

— Этот леший разве не собирается на репетицию спектакля? — спросил Боэрба, глядя вслед уходящей Линь Юй.

— Сейчас у них период, когда невозможно разлучиться, свидание для них важнее всего на свете, — усмехнулся Чжан Сяовэй.

— А я вот не хочу идти! С какой стати вы играете, а я должен быть реквизитором? Не пойду, — Гогай замотал своей пухлой головой, как китайским барабанчиком.

— Молочный чай на следующую неделю с меня, по рукам, Гогай? — Боэрба решил приманить друга едой.

— По рукам, — Гогай быстро принял решение.

Когда они добрались до малого театра, Чжан Сяовэй увидел там уже человек семь-восемь — пять девушек и двое парней. К его удивлению, среди девушек оказалась и Юй На. Гогай потянул Чжан Сяовэя за край одежды и прошептал:

— Глянь на тех двоих парней. Если они могут играть в пьесе, то и я смогу.

Юй На, заметив появление Чжан Сяовэя, тоже, кажется, удивилась.

— О, красавчик-первокурсник пришел! Вэньцзин, твой сердечный друг явился, иди же встречать, — звонко и уверенно проговорила высокая старшекурсница.

— Мэй, ты опять мелешь чепуху! Какой еще сердечный друг? Звучит ужасно, — Чэнь Вэньцзин укорила девушку, которую звали Мэй, и, краснея, подошла к Чжан Сяовэю. Накручивая на палец прядь волос, она тихо добавила: — Думала, ты не придешь.

— Раз уж мы пообещали, то, естественно, пришли, — вставил Боэрба.

— Давайте я вас познакомлю. Это Мэй, наш руководитель, она на третьем курсе, — Чэнь Вэньцзин указала на высокую девушку. — Это Юйэр, это Хун, это Сяопэн...

Представляя Юй На, она на секунду замялась, но та не стала ждать и сама улыбнулась:

— Это наш красавчик-староста, а это таланты из нашей группы. А сестрицу Вэньцзин представлять не нужно.

Чжан Сяовэй вежливо кивнул Юй На. Боэрба и Гогай, явно не питавшие к ней симпатии, даже не удостоили ее взглядом.

— Ладно-ладно, еще успеете познакомиться. У меня есть сценарий пьесы Тайваньский театр, можешь пока ознакомиться, — Мэй протянула Чжан Сяовэю рукопись.

— Мэй, зови меня просто Сяовэй, не нужно такой официальности. У меня нет актерского опыта, боюсь, вы разочаруетесь, — Чжан Сяовэй взял сценарий и улыбнулся.

— Никто не рождается мастером, если приложить старание, всему можно научиться, — поддержала его Чэнь Вэньцзин.

Мэй начала объяснять суть:

— Тайваньский театр — классическая пьеса. Вы и сами наверняка будете ее изучать. Сюжет прост: две труппы — одна репетирует Тайваньский театр, другая — В персиковом краю — заключили договор на аренду сцены на один вечер, и из-за этого разгорелся спор.

Чжан Сяовэй, Боэрба и Гогай внимательно слушали.

— Тайваньский театр — современная трагедия. Молодые люди Цзян Биньлю и Юнь Чжифань встретились во время войны и из-за нее же разлучились. Оба, сами того не ведая, бежали на Тайвань. Судьба сыграла с ними злую шутку: они встретились лишь сорок лет спустя, когда Цзян Биньлю уже умирал.

Мэй посмотрела на Чжан Сяовэя, затем на зардевшуюся Чэнь Вэньцзин и многозначительно добавила:

— Еще один смысл этой истории в том, что о любви нужно говорить вовремя, чтобы потом, на склоне лет, не пришлось жалеть.

— А? Мэй, когда это у нас появился такой подтекст? — почесав затылок, вдруг спросил парень по имени Сяопэн.

Чжан Сяовэй только сейчас обратил на него внимание: крепкий парень с длинными ресницами и пронизательными глазами, которые придавали ему энергичный вид. Правда, из-за того что белков было больше, чем радужки, во взгляде сквозила некая угрюмость.

— Если я говорю, что есть, значит, есть. Мне кажется, образ Чжан Сяовэя отлично подходит для Цзян Биньлю, а Вэньцзин — идеальная Юнь Чжифань. Попробуйте сыграть вместе, может, между вами проскочит искра, — улыбнулась Мэй.

— Мэй, разве ты не мне поручила играть Цзян Биньлю? Я репетирую уже больше месяца, я выучил этого персонажа наизусть, — в голосе Сяопэна слышалось недовольство.

— Сяопэн, в твоей трактовке слишком много наигранности. Я хочу видеть естественного Цзян Бинью — его воспоминания, его размышления, его тоску по любви. Тебе пока не хватает тонкости. Конечно, мы можем пробовать по очереди, кто сыграет лучше, тот и выйдет на сцену, — Мэй глянула на недовольную Чэнь Вэньцзин и пояснила Сяопэну.

— Ну и ладно. Если уж я, профессиональный актер, не могу тягаться с каким-то новичком с филфака, значит, зря учился. На сегодня всё, я пошел, — Сяопэн схватил свою куртку и, насвистывая, вышел.

— Тьфу, да кем он себя возомнил? Подумаешь, профи. Спорим, мой брат Сяовэй сыграет лучше, — возмутился Гогай.

Чжан Сяовэй лишь слегка улыбнулся, глядя вслед Сяопэну:

— Чего тут сравнивать? Хочет играть — пусть играет.

— Нельзя так просто относиться к делу. Это моя выпускная работа, я вложила в нее столько сил! Только в конкуренции рождается стимул. Я смотрела на других парней — никто не тянет эту роль. А когда я увидела тебя, сразу уловила в твоём взгляде тени Цзян Бинью. Поэтому я и тянула тебя сюда, и дело вовсе не в Чэнь Вэньцзин, — поспешно добавила Мэй.

— Мэй, а я? Что мне делать? — с энтузиазмом спросил Боэрба.

— Хм, в этой пьесе есть две роли режиссеров, которые вам отлично подойдут. Ты и этот пухляш — идеальный контраст, получится забавный художественный эффект, — Мэй прикрыла рот рукой, улыбаясь.

— О, а реплики будут? — уточнил Гогай.

— Должны быть, — Чжан Сяовэй указал на роли режиссера и помощника режиссера в сценарии.

— Так, Сяовэй, иди на сцену с Вэньцзин, попробуем прочувствовать образ, — позвала Мэй.

Чжан Сяовэй посмотрел на Чэнь Вэньцзин, легко поднимающуюся на сцену, и, помедлив, последовал за ней.

— Разыграйте начало. Вэньцзин знает мизансцену, она тебе подскажет. Не думай ни о чем, даже если не запомнишь слова — не страшно, просто попробуй войти в образ. Свет, приготовиться!

Свет в зале погас, на сцене загорелись софиты. Сначала Чжан Сяовэй немного нервничал, но

когда свет сфокусировался на нем, появилось желание начать.

Чэнь Вэньцзин начала двигаться согласно сценарию:

— Какая тихая Шанхайская ночь! Никогда не видела такого тихого Шанхая. Кажется, на всем свете остались только мы двое. Тот дождь был таким приятным, в воздухе витал какой-то особый аромат. Биньлю, посмотри, огни в воде будто...

— Будто картина из сна, — с чувством отозвался Чжан Сяовэй.

— Будто всё остановилось.

— Да, всё остановилось. Эта ночь остановилась, луна остановилась, уличные фонари, эти качели, ты и я — всё остановилось.

— Стоп! — Мэй вскочила с места, аплодируя. — Мое чутье меня не обмануло! Вы идеально подходите для этой пьесы. Особенно Сяовэй — я хочу отдельно похвалить тебя. Эта легкая грусть в твоих глазах, даже в голосе — это невозможно сыграть, это идет изнутри. Ты — единственный кандидат на роль Цзян Биньлю. Конечно, пока текст не от зубов, движения еще не отточены, но со временем все придет.

— Мэй, вы мне льстите, — сдержанно ответил Чжан Сяовэй.

— Гордыни нет, спокойствие и достоинство — отличный характер. У Вэньцзин хороший вкус, — добавила стоявшая рядом Юйэр.

— Брат Сяовэй, это было очень чувственно, вы на сцене просто пара, созданная друг для друга, — простодушно брякнул Гогай.

— Какая тебе пара, свиная голова! Не умеешь пользоваться идиомами — молчи, это называется идеальное сочетание. Но Сяовэй, на сцене ты был действительно хорош, — поддержал Боэрба.

— Вы меня так хвалите, что я скоро возгоржусь и улечу в облака, — отшутился Чжан Сяовэй.

— Пфф, не думала, что ты умеешь шутить, — Чэнь Вэньцзин рассмеялась, обнажив ямочки на щеках.

Чжан Сяовэй, обычно равнодушный к женской красоте, на мгновение замер.

— Давайте еще раз, — предложила Вэньцзин.

Чжан Сяовэй, разумеется, согласился. Во второй раз он добавил свои идеи, отчего Мэй пришла в полный восторг. Когда свет погас, Чжан Сяовэй вытер пот со лба и вдруг заметил Ли Хана, который неизвестно когда появился в зрительном зале.

Тот стоял в безупречной клетчатой рубашке, наклонив голову, с легкой улыбкой наблюдая за ним. Его взгляд был полон нежности и внимания, и он поднял большой палец вверх, хваля его. Чжан Сяовэй, встретившись с ним глазами, невольно улыбнулся в ответ.

— Хорошо, на сегодня закончим. Сяовэй, иди домой и хорошенько вчитайся в сценарий, я уверена — играть тебе, — Мэй похлопала его по плечу.

— У тебя вечером есть время? Может, поужинаем вместе? — открыто спросила Чэнь Вэньцзин. После репетиции она стала более раскованной.

Чжан Сяовэй взглянул на Ли Хана и покачал головой:

— Прости, у меня сегодня дела.

— Ничего страшного, — в голосе Вэньцзин прозвучала легкая грусть.

Вэньцзин ушла вместе с Мэй. Боэрба и Гогай, заметив Ли Хана, молча похлопали Чжан Сяовэя по плечу и скрылись. В огромном зале остались только двое. Ли Хан спустился к сцене и с улыбкой произнес:

— Этот господин отказал красавице, может, он удостоит меня чести поужинать вместе?

— Ладно, — Чжан Сяовэй смущенно улыбнулся.

Он давно видел и чувствовал искреннюю заботу и глубокую привязанность Ли Хана. Было бы ложью сказать, что это его не тронуло. После того как его пропесочила Линь Юй, он решил, что стоит попытаться принять чувства Ли Хана. Поэтому в этот раз он не колебался. Ли Хан, не ожидавший столь быстрого согласия, просиял.

Они вышли из театра, но у входа обнаружили, что здание заблокировано: на улице лил проливной дождь. Студенты, у которых были зонты, с торжествующим видом проталкивались к выходу. Остальные вынуждены были ждать. Чжан Сяовэй слышал, как девушки, звоня парням, капризно просили принести им зонт. Время от времени подъезжали парни, забирали своих подруг, и те, гордо держа их под руку, уходили под завистливые взгляды окружающих. Этот ливень стал настоящим испытанием на верность.

— Странная погода, — нахмурился Ли Хан. — Когда я заходил в театр, светило солнце.

Он взглянул на невозмутимого Чжан Сяовэй и прошептал:

— Подожди здесь, пусть другие позавидуют, что ты со мной.

Не дожидаясь ответа, Ли Хан шагнул прямо в дождевой поток. Этот решительный поступок вызвал визг девушек у входа. Чжан Сяовэй улыбнулся и последовал за ним. Позади снова раздались восторженные крики. Он быстро догнал Ли Хана.

— Ты зачем вышел? Вернись, промокнешь и заболеешь! — забеспокоился Ли Хан.

Чжан Сяовэй покачал головой, раскинул руки, чувствуя, как дождь бьет в лицо, и рассмеялся:

— Знаешь, одна из причин, почему я выбрал Чанша, — это дожди. Больше всего люблю дождливую погоду, она дает мне ощущение спокойствия и безопасности. В Циндао дожди редкость, даже летом. Такой внезапный ливень приводит меня в восторг, как сегодня.

Он крутанулся на месте и с удовольствием добавил:

— Красота!

Ли Хан вытаращил глаза, словно увидел пришельца:

— Откуда у тебя такие странные привычки? Вот начнется сезон затяжных дождей, тогда ты по-другому запоешь: сырость повсюду, простыни влажные...

Ли Хан прикрыл голову Чжан Сяовэй своей сумкой, стараясь защитить его от воды.

— Давай наперегонки? Кто первым добежит до общежития? — предложил Чжан Сяовэй.

— Если заболеешь, ко мне не приставай, — рассмеялся Ли Хан и, не дожидаясь команды, рванул вперед.

— Эй, нечестно! — крикнул Чжан Сяовэй и бросился в погоню.

Он недооценил Ли Хана: длинные ноги в кожаных туфлях оказались на удивление быстрыми. Чжан Сяовэй выкладывался изо всех сил, но Ли Хан оторвался на двадцать метров. Вдруг тот остановился. Чжан Сяовэй, тяжело дыша, догнал его:

— Устал? Не можешь бежать?

Ли Хан улыбнулся, схватил Чжан Сяовэя за руку и потащил за собой. Этот внезапный жест сбил его с толку, но он инстинктивно пошел следом. Впереди, недалеко от них, под зонтом стоял человек. Когда они проходили мимо, вспыхнула молния, и Чжан Сяовэй увидел полное скорби и страдания лицо.

Это была Сюй Ци!

Лицо ее было мертвенно-бледным, она закусила губу и не произнесла ни слова. Чжан Сяовэй попытался вырвать руку, но Ли Хан держал крепко. Он обернулся и крикнул вслед:

— Учитель Сюй! Учитель Сюй!

Плечи Сюй Ци вздрогнули, но она не оглянулась и вскоре исчезла в пелене дождя.

— Что ты творишь? Ты хоть понимаешь, как ей сейчас больно? — Чжан Сяовэй остановился и с вызовом посмотрел на Ли Хана.

Тот подошел вплотную — Чжан Сяовэй почувствовал его дыхание и невольно отступил.

— Я не хочу возвращаться в прошлое. Я сейчас счастлив, — Ли Хан смотрел на него с таким теплом, что, казалось, мог растопить лед.

— Это что, значит, старое забыл, к новому прикипел? Даже если мы теперь вместе, не стану ли я... — Чжан Сяовэй не закончил фразу.

— Не знаю, не удостоит ли господин Чжан меня чести вместе полюбоваться видами с высоты? — прошептал Ли Хан.

— Посмотрим по настроению, — хмыкнул Чжан Сяовэй.

— Ой-ой-ой!

— Ой-ой, мы, кажется, не туда попали?

— Гогай, не смотри, пошли отсюда!

Бозрба и Гогай, зашедшие в комнату, застали Ли Хана за тем, что он сушил волосы Чжан Сяовэя. Оба прикрыли глаза и наигранно запричитали.

— Идиоты, — процедил Чжан Сяовэй.

— Видишь, нас здесь не ждут. Гогай, пойдем, скоро эта комната станет обителью двух холостяков, — покачал головой Боэрба.

Ли Хан прыснул со смеху, за ним рассмеялся и Чжан Сяовэй. В этот момент зазвонил телефон Ли Хана. Он вытащил из сумки свой аппарат, а заодно и телефон Чжан Сяовэя, заметив:

— Сумка хорошая, не промокает.

Посмотрев на экран, он отошел в умывальник. Вернувшись, с извиняющимся видом сказал:

— Хотел пригласить вас на ужин, но у меня важный гость, отказаться не могу.

— Иди, — кивнул Чжан Сяовэй.

Ли Хан коснулся лба Чжан Сяовэя:

— Горячий. Перед сном выпей лекарство от простуды.

— Ц-ц-ц, любовь-морковь, — прокомментировал Гогай.

— Заткнись, — Чжан Сяовэй швырнул в него игрушку, лежавшую на кровати Линь Юй.

— Играйте, я пошел. Одежду верну в следующий раз, — Ли Хан улыбнулся и махнул рукой.

«А-а-а!» — Чжан Сяовэй в ужасе подскочил на кровати, обливаясь потом.

Всю ночь его лихорадило, а под утро приснился кошмар: он гуляет с Ли Ханом по берегу моря, как вдруг из воды появляется монстр с лицом Чжан Чжи, хватает его, потом лицо сменяется на Жэнь Цзяня, который крутит его в воздухе и бросает в скалы...

Чжан Сяовэй вытер пот. Одеяло было влажным. Два часа ночи. Внизу светился монитор — на экране крутили японский фильм для взрослых. Боэрба в одних трусах, с салфеткой в руке, в испуге уставился на него.

— Ты полон страсти, до такой степени отдаешься искусству, — без сил усмехнулся Чжан Сяовэй.

— Господи, ты не мог бы не пугать людей по ночам? — Боэрба закатил глаза и схватился за сердце. — У меня чуть в самый важный момент испуг не случился! Если теперь стану импотентом, буду преследовать тебя всю жизнь!

— Используй виагру, — Чжан Сяовэй чувствовал, как ломит все тело.

— Слушай, а чего ты такой красный? — Боэрба включил свет и увидел, что друг весь в поту.

— Ничего, отдохну и пройдет, — Чжан Сяовэй отмахнулся и, кутаясь в одеяло, лег обратно.

Боэрба подставил стул, встал на него и потрогал лоб друга.

— Ты горишь! Это все тот дождь! Нужно в больницу, я с тобой!

— Поздно уже, спи давай. Если совсем плохо станет — пойду, — Чжан Сяовэй не любил никого беспокоить.

Но Боэрба не слушал. Он сдернул одеяло и бросил на него одежду. Чжан Сяовэй, в полубреду, кое-как оделся и спустился с кровати. Ноги подкашивались, Боэрба подхватил его под руки. Когда они выходили, Гогай, ворочаясь во сне, что-то пробормотал.

— Такой шум, а он и не проснулся, небось опять вкуснятину видит во сне, — усмехнулся Боэрба.

— Я всегда завидовал ему. Он природный оптимист, для него любая беда — как дуновение ветра, — прошептал Чжан Сяовэй.

— Не всё так просто, как кажется. Просто у каждого есть свои границы, — вздохнул Боэрба.

В больнице Чжан Сяовэю измерили температуру и поставили капельницу.

— Совсем с ума сошел? Тридцать девять! Хотел сгореть в общежитии? — ворчал Боэрба, усаживаясь на край койки.

Чжан Сяовэя начало колотить от холода. Боэрба укутал его, но дрожь не проходила. Он помчался к дежурной медсестре.

— Медсестра, моему другу очень плохо, его трясет, посмотрите, пожалуйста! — взмолился он.

Медсестра, дремавшая за столом, даже не подняла головы:

— Капельница только началась, это нормальная реакция.

— Можно тогда еще одно одеяло? — стиснув зубы, спросил Боэрба.

— Принесу позже, — последовал ответ.

Боэрба, видя, что вставать она не собирается, позвонил Ли Хану.

— Брат Хан, Сяовэй заболел, мы в больнице.

— Где? Еду! — голос Ли Хана звучал встревоженно.

Через десять минут в коридоре слышались быстрые шаги. Ли Хан вошел, выглядя очень обеспокоенным.

— Как он? — Ли Хан заглянул в палату.

— Его колотит, а медсестра бездельничает, — возмущенно рассказал Боэрба.

Ли Хан подошел к посту медсестры и постучал в стекло.

— Сказала же, принесу позже! — огрызнулась та.

Ли Хан постучал снова. Медсестра подняла голову, готовая разразиться гневной тирадой, но, увидев Ли Хана, застыла.

— Вы... вы доктор Ли? Как вы здесь оказались?

— О, вы меня знаете? — холодно спросил Ли Хан.

— Видела вас на операции в прошлый раз, — пролепетала медсестра.

— Моему другу нужно одеяло. Будьте добры, — вежливо, но твердо произнес Ли Хан.

— Конечно, конечно! Простите, я не знала, что это ваш друг, сейчас всё сделаю! — медсестра моментально сменила тон.

Ли Хан только что собирался найти их заведующего отделением и написать на неё жалобу, но, увидев этот жалкий, вызывающий сочувствие вид, невольно смягчился.

У Ли Хана не было настроения шутить, и он прямым ходом направился в палату.

Боэрба стоял у дверей и сказал: Братец Хан, раз уж ты пришел, я спокоен. Здесь я больше не

нужен, так что пойду.

Спасибо тебе, Юн Бо. Может, мне тебя подвезти?

Ли Хан взглянул на свернувшегося в клубок Чжан Сяовэя и не смог скрыть тревогу.

Да за что спасибо? Мы же братья. Я поймаю такси и доберусь сам, а ты лучше присмотри здесь как следует за ним. — Боэрба улыбнулся и ушел.

Не дожидаясь, пока тот скроется из виду, Ли Хан проскользнул в палату. Увидев Чжан Сяовэя с прищуренными глазами и мертвенно-бледным лицом, он не удержался и мягко коснулся его щеки.

Чжан Сяовэй почувствовал прикосновение, приподнял веки и увидел Ли Хана.

Братец Хан, это ты? — прошептал он.

Это я. Я здесь. Спи спокойно. — Ли Хан поправил одеяло и улыбнулся.

Я что, сплю? Почему ты всегда появляешься именно тогда, когда я больше всего нуждаюсь в помощи? — Чжан Сяовэй хотел дотронуться до лица Ли Хана, но забыл, что у него в руке капельница.

Не двигайся, положи руку как следует. — Ли Хан ловко вернул руку на место и, погладив Чжан Сяовэя по голове, добавил: — Потому что я твой суженый ангел-хранитель.

В этот момент в палату вошла медсестра с одеялом в руках и случайно услышала эти слова. Она окинула взглядом Ли Хана, затем Чжан Сяовэя, и на её лице появилось любопытство. Выражение сменилось с интереса на удивление, в котором читалась и капля отвращения.

Ли Хан спокойно произнёс: Если хочешь и дальше здесь работать, лучше выполняй свои обязанности добросовестно. И, конечно, не распускай язык.

Тихий голос Ли Хана прозвучал для медсестры как гром среди ясного неба. Она оставила одеяло и прошептала: Если у доктора Ли есть какие-то просьбы, только скажите.

Ли Хан махнул рукой, и медсестра поспешно вышла.

Ли Хан накрыл Чжан Сяовэя вторым одеялом, но того всё ещё била дрожь. Поколебавшись, Ли Хан откинул край одеяла, забрался под него и крепко обнял парня.

Он чувствовал это молодое тело, чувствовал, что этот мужчина, о котором он грезил, теперь рядом. Ли Хан ощущал дыхание Чжан Сяовэя, чувствовал аромат его волос и стук сердца. Всё это приводило его в смятение.

Он легонько поцеловал Чжан Сяовэя в лоб, в кончик носа, в губы. Ли Хан чувствовал, как бешено колотится его собственное сердце, тело охватил жар, а в паху всё быстро напряглось, упираясь в бедро Чжан Сяовэя. Он невольно сглотнул, а рука, лежавшая на груди парня, сама собой начала проскальзывать под одежду.

Братец Хан, не надо. — У Чжан Сяовэя не было сил сопротивляться, он мог лишь тихо прошептать эти слова.

Увидев мучительное выражение на лице Чжан Сяовэя, Ли Хан мгновенно пришел в себя. Он мысленно выругал себя: Ли Хан, Ли Хан, ты же хуже зверя! Как у тебя могли возникнуть такие грязные мысли, когда Чжан Сяовэй так тяжело болен?

Ли Хан глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и просто крепко прижал Чжан Сяовэя к себе. Все его мысли были заняты лишь парнем, поэтому он не заметил, как медсестра у двери тайком наблюдала за ними, снимая всё на телефон.

Когда Ли Хан обнял его, он почувствовал, что дрожь утихла. Ли Хан замер, любясь бледным, но красивым лицом Чжан Сяовэя. Иногда он поглядывал на руку, куда была введена игла.

Всю ночь Ли Хан не сомкнул глаз.

На рассвете Чжан Сяовэй очнулся и улыбнулся, увидев Ли Хана с красными глазами, но мягкой улыбкой на губах.

Почему я стал таким слабым? И снова доставил тебе хлопот. — горько усмехнулся Чжан Сяовэй.

Посмотри на себя, куда делась та прыть, с которой ты вчера бегал под дождём? — Ли Хан надул губы, упрекая его.

Это был не первый раз, когда я мокну под дождем, я никогда не простужался. Тебе не показалось, что вчерашний дождь был таким... таким... освежающим? — под конец фразы голос Чжан Сяовэя дрогнул, и он покраснел. Он вспомнил, как они держались за руки и как двусмысленно Ли Хан сушил ему волосы.

Конечно, я благодарен небу за то, что оно подарило мне такой чудесный шанс. — Ли Хан помог Чжан Сяовэю сесть и подложил подушку под спину. — Давай, ты пропотел всю ночь, выпей каши, подкрепи силы. — Он взял с тумбочки термос.

Ли Хан зачерпнул ложку каши, подул на неё и поднёс к губам Чжан Сяовэя. Тот замялся, опустил голову и тихо сказал: Я еще не старик, давай сам.

Хе-хе, я старше тебя. Когда мы состаримся, будешь кормить меня ты. Хотя нет, два седовласых старика будут кормить друг друга. Так что пока это буду делать я. — рассмеялся Ли Хан.

Откуда мне взять такое счастье? — тихо пробормотал Чжан Сяовэй.

Счастье нужно заслужить, если хочешь, сейчас самое время начать. — улыбнулся Ли Хан.

Эти двусмысленные, но проникающие в самое сердце слова смутили Чжан Сяовэя ещё больше. Ему не оставалось ничего, кроме как открывать рот и принимать ложку за ложку, не смея встретиться взглядом с сияющими глазами Ли Хана.

Простуда и совместный завтрак ещё больше сблизили их. Чжан Сяовэй чувствовал, что его душевные терзания постепенно отступают перед настойчивостью Ли Хана. Но при мысли о Чжан Чжи на сердце снова становилось беспокойно.

Эх, пообедать с тобой — задача не из лёгких. Подумать только, уже тридцать третья попытка. Время летит, два месяца пролетело. — вздохнул Чжан Сяовэй.

Гора Юэлу хороша, я там был много раз, но завтра прогуляться с таким красавцем — для меня большая честь. — Ли Хан, заметив, как нахмурился Чжан Сяовэй, решил сменить тему, опасаясь, что тот впадёт в меланхолию.

Маомао ты очень нравишься. — Ли Хан взглянул на Чжан Сяовэя, который возился с псом. — Этот золотистый ретривер — тот еще охранник. Мои коллеги пытались зайти, так он встал в дверях и не пускал. Несмотря на размер, если задерет хвост и начнет лаять — мало не покажется.

Видимо, это моя прозорливость: та сосиска сработала. — засмеялся Чжан Сяовэй.

Нет, это он признал в тебе близкого человека, понял, что ты его будущий хозяин, вот и подлизывается. — Ли Хан налил чашку чая пуэр и пододвинул её Чжан Сяовэю. — Попробуй, как тебе пуэр? Если не понравится, сменим на зеленый или черный чай.

Чжан Сяовэй посмотрел на Маомао, который развалился рядом и требовал чесать ему живот — ну настоящий наглец.

Чжан Сяовэй беспомощно произнёс: Какой хозяин, такой и питомец. Маомао такой бесстыжий,

прямо превзошел учителя.

Ладно, принимаю как комплимент. Если бы я не был таким наглым, ты бы не пришел сам, и я бы не смог тебя заполучить. — поддразнил его Ли Хан.

Опять ты несешь чушь. — Чжан Сяовэй нахмурился, делая вид, что рассердился.

Не ожидал, что ты так аккуратно всё здесь устроил. — Чжан Сяовэй огляделся и восхищенно произнёс.

На самом деле он хотел сказать, что квартира обставлена невероятно роскошно. Паркет из красного дерева, огромная хрустальная люстра, излучающая холодный свет. На темно-синем кожаном диване в гостиной всё лежало по местам, а перед ним стоял мраморный стол, который явно стоил целое состояние. Напротив располагался телевизор такого размера, что Чжан Сяовэй решил: экран в их деревне, на котором крутили кино, был ненамного больше.

Слева от входа была искусно сделана перегородка, служившая заодно винным шкафом, в котором красовались Хеннеси, Реми Мартин и другие бренды, названий которых он не знал. От шкафа отходила мраморная барная стойка с журналом по финансам на ней. Перед стойкой стояло вращающееся кресло из коричневой кожи, блестевшее на свету. Кухня, совмещенная с гостиной, тоже поражала воображение. Занавески в мелкий желтый цветочек добавляли теплоты в этот холодный интерьер. В такой обстановке Чжан Сяовэй почувствовал себя не в своей тарелке.

Это всё для тебя, чтобы встретить тебя здесь, как в брачном доме. Конечно, всё должно быть чисто и опрятно.

Язык у тебя без костей, всё складно поешь. Оставь свои сладкие речи для других, на меня это не действует. — Чжан Сяовэй погладил Маомао и ответил сдержанно.

А не приревнуешь ли ты? — Ли Хан наклонился к нему и тихо рассмеялся.

Не хочу с тобой говорить, у нас нет общего языка. Пойду готовить. — Чжан Сяовэй встал, но Маомао вцепился зубами в его штанину. Пес лег на бок, высунул язык, завилял хвостом и заскреб передними лапами, требуя продолжения массажа.

Посмотри на него, ну где ты еще видел такую наглую собаку? — Чжан Сяовэй не знал, смеяться или плакать.

Маомао, молодец. — Ли Хан не смог сдержать улыбки.

Чжан Сяовэй присел, погладил пса и сказал: Маомао, если еще раз будешь так наглеть, я больше не приду.

Ли Хан рассмеялся, понимая, что эти слова адресованы ему. Он свистнул: Маомао, иди сюда. Ты плохо себя ведешь, смотри, а то попадешь в руки к мачехе.

Маомао послушно вскочил и радостно побежал к Ли Хану.

Помой руки, выпей чаю. Не торопись, скоро вместе приготовим. — Ли Хан взглянул на часы.

Чжан Сяовэй зашел в ванную и увидел душевую кабину со стеклянными дверцами и круглой ванной — такую отделку он видел только по телевизору. Помыв руки, он поправил перед зеркалом рубашку и вышел.

Он сел на диван, сделал глоток пуэра и слегка поморщился: чай показался ему горьким. Ли Хан заметил это и улыбнулся: Этот пуэр я попробовал много лет назад, когда путешествовал по Юньнани. Тогда он мне тоже казался горьким и невкусным. Но вернувшись, я начал скучать по этому вкусу. Перепробовал много сортов, но того, самого, так и не нашел. Зато, привыкнув, я перестал чувствовать горечь.

Это было с ним? — Чжан Сяовэй уловил скрытый смысл в словах Ли Хана. Он выпалил это прежде, чем успел подумать, и тут же пожалел, увидев, как нахмурился Ли Хан.

Да. Тогда мы только начали встречаться, и решили съездить в Юньнань. Там у нас было много первых моментов. Я пытался найти тот самый вкус, но понял, что уже не могу. Сюй Ци и я... мы уже не сможем вернуться в прошлое. — Ли Хан прямо посмотрел в глаза Чжан Сяовэю.

Чжан Сяовэй опустил голову и промолчал.

О моем прошлом ты теперь знаешь. В знак взаимности или просто чтобы лучше понимать друг друга... расскажешь что-нибудь о своем? — Ли Хан подлил ему чаю.

Обо мне? — Чжан Сяовэй взглянул на него и снова опустил глаза, задумчиво вертя чашку в руках. — Да какое там у меня прошлое.

Врёшь. Как у человека может не быть прошлого? А тот... как его... Чжи? — осторожно спросил Ли Хан.

Чжан Сяовэй встал, подошел к балкону, отдернул желтую занавеску и тихо произнёс: Смотри, какой закат. Эта занавеска его только портит, скрывает такую красоту.

Я могу снять эти шторы, но сможешь ли ты так же легко убрать Чжан Чжи из своего сердца? — Ли Хан тоже поднялся, подошел сзади и обнял его за талию.

Чжан Сяовэй попытался высвободиться, но сильные руки держали его крепко.

Впереди пейзаж куда красивее, я не хочу, чтобы в твоём сердце оставалась эта занавеска. — Ли Хан сорвал висевшую штору.

Раздался треск — с карниза посыпались маленькие колёсики. Чжан Сяовэй явно не ожидал, что Ли Хан перейдет от слов к делу так быстро. Он обернулся и посмотрел в глаза Ли Хану, полные глубокой нежности, замер на мгновение и снова отвел взгляд.

Я и сам не знаю, что чувствую к нему. И не знаю, что он чувствует ко мне. Но последние двадцать лет моей жизни он был повсюду. Он защищал меня, заботился обо мне, жалел. Стоит закрыть глаза — и его образ возникает сам собой. Я просто знаю, что когда у него появилась девушка, я чувствовал, будто моё сердце разрывают на части. Я знаю, что никогда не смогу вычеркнуть его из жизни. Вот что я к нему чувствую.

Ли Хан приподнял подбородок Чжан Сяовэя. Увидев красные от смущения щеки и бегающие глаза, напоминающие испуганного оленёнка, он не выдержал и потянулся к нему. Чжан Сяовэй сглотнул и закрыл глаза.

Тёплые губы Ли Хана коснулись его прохладных губ. Сильный язык раздвинул зубы, проникая внутрь, исследуя ротовую полость, и вскоре нашел его собственный язык. Поцелуй был таким страстным, словно Ли Хан хотел расплавить его, таким крепким, словно хотел раздавить в объятиях.

Зараженный страстью Ли Хана, Чжан Сяовэй перестал нервничать и ответил на поцелуй. Это поощрение заставило Ли Хана действовать еще решительнее, их языки сплелись в танце.

Заходящее солнце заливало влюбленных тёплым золотым светом. Маомао, решив, что его игнорируют, начал бегать вокруг их ног.

Лишь спустя долгое время они отстранились друг от друга.

Они улыбнулись, Ли Хан взял лицо Чжан Сяовэя в ладони и торжественно произнёс: Твои прошлые двадцать лет я пропустил, и это моя великая печаль. Но в твоей дальнейшей жизни я больше не допущу ни одной ошибки.

Кто собирается проводить с тобой всю жизнь? Мама еще ждет внуков. — пробормотал Чжан Сяовэй, опуская голову.

Хе-хе, наша мама только обрадуется, если у неё появится еще один сын. Обещаю заботиться о них, как о родных родителях. — серьёзно ответил Ли Хан.

Об этом... поговорим позже. — вздохнул Чжан Сяовэй.

Тогда, может, приготовим ужин? — Ли Хан, увидев на лице Чжан Сяовэя грусть, поспешил

сменить тему.

Хорошо.

Я буду помогать. Кухня наконец нашла своего хозяина — с тех пор, как её установили, я пользовался ею по пальцам пересчитать. — усмехнулся Ли Хан.

Предупреждаю, готовить я умею неважно, уж точно хуже, чем госпожа Сюй. — признался Чжан Сяовэй.

Неважно. Когда ешь еду, приготовленную любимым человеком, даже подгоревшее блюдо вкуснее любого деликатеса. — засмеялся Ли Хан.

В этот момент зазвонил телефон Чжан Сяовэя. Увидев имя Чжан Чжи, он помедлил, собираясь отойти.

Ли Хан улыбнулся: Зачем тебе от меня скрываться? Садись и отвечай здесь.

Чжан Сяовэй, ничего не поделаешь, принял вызов.

Алло, угадай, где я? — радостно спросил голос на другом конце.

Чжан Сяовэй взглянул на Ли Хана и тихо сказал: Где? Не могу угадать.

Я в аэропорту Хуанхуа в Чанша! Скорее приезжай, я не могу дожидаться встречи с тобой! — с восторгом сказал Чжан Чжи.

Ты не шутишь? — от этой новости Чжан Сяовэя охватил шок, смешанный с радостью и тревогой.

Выражение лица Ли Хана стало странным, он медленно положил пучок сельдерея, который держал в руках.

Я приготовил для тебя огромный сюрприз, ты точно удивишься, когда увидишь! — продолжал Чжан Чжи.

Чжан Сяовэй повесил трубку и посмотрел в окно, где одна за другой загорались огни города. Наступала ночь.

Глядя в ночную мглу, Чжан Сяовэй немного помолчал, а потом обернулся к Ли Хану: Прости, братец Хан, приехал мой друг из дома, я должен его встретить.

Чжан Сяовэй много раз видел Чжан Чжи во сне, и теперь, когда тот вот-вот должен был появиться перед ним, он чувствовал тревогу. Особенно под пристальным взглядом глубоких глаз Ли Хана.

Я поеду с тобой. — Ли Хан смягчил взгляд.

Нет, не надо, я сам справлюсь. — прошептал Чжан Сяовэй. Он сам не понимал, почему так боится встречи Ли Хана и Чжан Чжи.

Нет, я обязан поехать. Мне нужно знать, кто мой соперник. В конце концов, знаешь противника — победишь в сотне битв. — Ли Хан уже понял по лицу Чжан Сяовэя, кто приехал.

Ли Хан бросил взгляд на всё ещё колеблющегося Чжан Сяовэя и улыбнулся: Если не поторопимся, твой братец Чжи разозлится.

Чжан Сяовэй застыл, не зная, как представить Ли Хана Чжан Чжи.

Ли Хан похлопал его по плечу: Что, от радости онемел?

Нет... извини, мы только решили поужинать вместе, а я снова доставляю тебе неудобства.

Что ты несешь, глупый малый? Я о твоём братце Чжи слышан давно, мне самому не терпится с ним встретиться. Поехали. — Ли Хан взял его за руку и они вышли.

Чжан Сяовэй смотрел на поток машин, изредка поглядывая на Ли Хана, который был сосредоточен на дороге. Тот сменил рубашку на сине-белую клетчатую, от которой исходил едва уловимый аромат трав. Нахмуренные брови, слегка сжатые губы, высокий нос, сексуальная щетина и пронизательные глаза — всё в нём заставляло сердце парня биться чаще. Таким серьезным этот мужчина был просто неотразим.

Чжан Сяовэй прикусил губу, желая что-то сказать, но смолчал.

Хочешь что-то сказать? — внимательный Ли Хан сразу заметил это.

Мы собирались любоваться горой Юэлу, но всё сорвалось. Я постоянно тебя подвожу, прости. — Чжан Сяовэй чувствовал вину.

Ха-ха, я уж думал, что случилось. Если ты захочешь, у нас впереди десятки лет, чтобы объехать

весь мир. — рассмеялся Ли Хан, его взгляд был твердым и нежным одновременно.

Я... я, конечно, хочу. — тихо прошептал Чжан Сяовэй.

А? — Ли Хан, словно услышав неземную музыку, резко затормозил у обочины. Он схватил Чжан Сяовэя за плечи, развернул к себе и радостно спросил: Сяовэй, что ты только что сказал? У меня уши плохие... нет, я просто не расслышал.

Чжан Сяовэй покраснел и тихо произнёс: Я хочу.

Чего ты хочешь? — Ли Хан не отступал.

Я хочу провести с тобой все последующие дни, прошагать по этому миру. Хочу быть рядом с тобой, пока наши волосы не поседеют. Когда мы станем двумя седыми стариками, я хочу опираться друг на друга. — Чжан Сяовэй поднял голову и твердо посмотрел в глаза Ли Хану.

На глазах у Ли Хана выступили слезы, и он прижал парня к себе. В этот миг их сердца забились в унисон. В машине стало необычайно светло и романтично.

Ли Хан уткнулся ему в плечо и всхлипнул: Жена моя, я наконец дождался этих слов. Даже если небо решит забрать мою жизнь сейчас, я умру без сожалений.

Что ты такое говоришь? — Чжан Сяовэй легонько оттолкнул его. — Что за разговоры о смерти, неприятно слушать. И я не люблю, когда меня называют женой или другими гендерными терминами. Так же, как не люблю это деление на актив и пассив. Я мужчина, мужчина из плоти и крови, у которого есть достоинство, и я надеюсь, что ты будешь меня уважать. Я люблю тебя не потому, что я гей, а просто потому, что человек, которого я полюбил, — мужчина, как и я.

Слова Чжан Сяовэя привели Ли Хана в полное изумление.

Я не ошибся: ты правда отличаешься от всех остальных. — радостно сказал Ли Хан. — Помню, как в начале семестра ты стоял в конце строя. Один твой мимолетный взгляд — и я попал в сети твоей нежности. Это точно судьба.

Братец Хан, теперь мы любовники, и моё сердце принадлежит тебе. Чжан Чжи — просто мой друг детства, он заботился обо мне, я уважаю его как старшего брата, не ревнуй. — голос Чжан Сяовэя стал совсем тихим. Услышав о судьбе, он снова вспомнил Чжан Чжи. В их деревне до сих пор обсуждают их связь. Но его сердце уже было отдано Ли Хану, и он решил оставить Чжан Чжи в роли друга.

Сяовэй, за кого ты меня принимаешь? Неужели я такой мелочный? Чжан Чжи заботился о тебе двадцать лет, я благодарен ему. Конечно, последующие десятки лет о тебе буду заботиться я.

Первые двадцать лет я пропустил, но в твоём будущем я уже не допущу ошибок. — улыбнулся Ли Хан.

Язык у тебя без костей, всё так сладко говоришь. А ещё говоришь, что не мелочный? В прошлый раз на дне рождения Сяо Юя тот Хуацзы посмотрел на меня, так у тебя в глазах было столько злости, будто ты готов был его съесть. А Лянцзы? Он просто обнял тебя за плечо, а ты чуть не отравился. И это называется не мелочный? — подколот его Чжан Сяовэй.

Кстати, на счет того Хуацзы — лучше не попадайся ему на глаза. Методы у него грязные, говорят, он болен СПИДом. — Ли Хан наклонился к нему и понизил голос.

СПИДом? — у Чжан Сяовэя округлились глаза. Он и подумать не мог, что болезнь, о которой читал только в книгах, может так легко встретиться в жизни.

Ага, в гей-среде не всё так чисто. Сохранить себя в чистоте — задача не из лёгких. Но не будем об этом, в такой прекрасный день... — Ли Хан покачал головой.

Ли Хан завел мотор, и Чжан Сяовэй открыл окно, глядя, как вдалеке на эстакаде медленно движутся огни машин.

Эстакада, если смотреть на неё вблизи, напоминала очертаниями бабочку, но сейчас она скалилась, словно острые ножницы, поблёскивая на свету холодным блеском.

Через приоткрытое окно в салон ворвался холодный ветер, и Чжан Сяовэй невольно вздрогнул.

Наконец они прибыли в аэропорт Хуанхуа. Ли Хан привел Чжан Сяовэя к выходу из зоны прилета, но тот держался от него на некотором расстоянии.

— Братец Хан, я не хочу, чтобы он знал о наших отношениях, — прошептал Чжан Сяовэй, прикусив губу.

— Хорошо.

Внимательный Ли Хан прекрасно понимал чувства Чжан Сяовэя и просто остался стоять у входа.

Чжан Сяовэй переступил порог, сделал всего несколько шагов и увидел Чжан Чжи.

Тот стоял, прислонившись к стене, с чуть подогнутой правой ногой. На нем были облегающие джинсы, белая футболка и серые с белым кеды Nike, за спиной висел рюкзак, а в ушах были наушники. Время от времени он скидывал голову, сдувая длинную косую челку, оглядывался по сторонам, а затем снова опускал взгляд, перебирая в руках MP3-плеер.

Чжан Сяовэй застыл, глядя на него, а Ли Хан, стоявший неподалеку, пристально наблюдал за мужчиной, который вскоре должен был стать его соперником.

Чжан Чжи снова сдул челку, обвел взглядом зал и заметил Чжан Сяовэя.

Он вынул наушники, выпрямился и уставился на того, кого не видел уже два месяца.

Чжан Чжи улыбнулся, Чжан Сяовэй ответил ему тем же.

Вокруг них бурлил поток людей, но в глазах этих двоих, казалось, больше никого не существовало — время в этот миг замерло.

Затем Чжан Чжи широкими шагами направился к Чжан Сяовэю. Он распахнул объятия, крепко прижал его к себе и, склонившись к самому уху, тихо произнес:

— Я приехал. Скучал?

Чжан Сяовэй промолчал. Чжан Чжи отстранился, увидел, что выражение лица у того стало каким-то неестественным, и рассмеялся:

— Что такое? Что за вид? Дай-ка я проверю, набрал ты хоть немного веса или нет.

Не дожидаясь ответа, Чжан Чжи подхватил Чжан Сяовэя за талию и закружил на месте.

Чжан Сяовэй в испуге воскликнул:

— Перестань! Вокруг же люди, смотрят на нас!

Чжан Чжи бережно опустил его на пол и со смехом ответил:

— Мне плевать. В любом случае, они нас не знают.

Помолчав секунду, он коснулся лица Чжан Сяовэя и нежно добавил:

— Ты похудел. Неужели в Чанша климат не подошел?

Чжан Сяовэй поправил длинную челку Чжан Чжи, погладил его колючую щетину, склонил голову набок и серьезно сказал:

— Волосы отросли, стал крепче, возмужал. Но всё такой же красавчик.

Чжан Чжи потерся лицом о ладонь Чжан Сяовэя, наслаждаясь этим теплым моментом, и улыбнулся:

— Только когда я силен, я могу тебя защитить. Кстати, я обещал сделать тебе сюрприз. Посмотри.

Чжан Чжи повернул голову и хлопнул в ладоши, глядя на ряд сидений перед ними. Оттуда поднялась фигура, хорошо знакомая Чжан Сяовэю.

При виде этого человека лицо Чжан Сяовэя мгновенно переменялось. Эта фигура была его кошмаром, от которого он никак не мог избавиться — Жэнь Цзянь.

— Старый друг, давно не виделись.

Жэнь Цзянь стоял на месте, слегка улыбаясь, обнажив восемь безупречно ровных зубов.

От этой зловещей улыбки Чжан Сяовэй показалось, что у него подкашиваются ноги.

Чжан Чжи заметил перемену в лице Чжан Сяовэя, бросил взгляд на Жэнь Цзяня, который махал рукой, и весело произнес:

— Твой старый друг здороваётся с тобой, невежливо так стоять.

— Почему он приехал? — дрожащим голосом спросил Чжан Сяовэй, указывая на Жэнь Цзяня.

— Я сказал, что еду в Чанша навестить тебя, а Цзянь-Цзянь ответил, что вы давно не виделись и он тоже хочет приехать. Конечно, я обрадовался — вдвоем веселее, иначе дорога была бы такой скучной. Ну что, разве это не потрясающий сюрприз? — восторженно отозвался Чжан Чжи.

Пока они говорили, Жэнь Цзянь подошел к ним. Он тоже распахнул объятия и обнял Чжан Сяовэя. От этого прикосновения у того по спине побежали мурашки.

— Мы так и будем здесь стоять? — Чжан Чжи почувствовал, что с Чжан Сяовэем что-то не так, и решил сменить тему.

Жэнь Цзянь, заметив перемену в поведении Чжан Сяовэя, про себя усмехнулся.

— Пойдемте, — бросил Чжан Сяовэй, взглянув на них, и тихо выдохнул.

Ли Хан, увидев, что вся троица направляется к выходу, подошел к ним навстречу.

Чжан Сяовэй увидел его и представил Чжан Чжи:

— Это мой друг, Ли Хан.

Чжан Чжи слегка кивнул в знак приветствия, и в тот момент, когда их взгляды встретились, между ними, казалось, проскочила искра.

Ли Хан дружелюбно протянул правую руку. Они обменялись рукопожатием, и Чжан Сяовэй заметил, что костяшки пальцев Чжан Чжи побелели — тот явно приложил немало силы, однако Ли Хан остался невозмутим.

Эта сцена их первой встречи заставила сердце Чжан Сяовэя сжаться от страха.

Рукопожатие затянулось на целую минуту; Жэнь Цзянь с явным интересом наблюдал за этим противостоянием.

Затем Ли Хан вежливо пожал руку Жэнь Цзяню и попытался забрать у него чемодан.

Жэнь Цзянь поспешно замахал руками:

— Не стоит, спасибо.

Чжан Сяовэй бросил взгляд на Жэнь Цзяня и, заметив, с каким видом тот смотрит на Ли Хана, почувствовал тошноту: этот человек действительно неисправим.

— Идем, — Чжан Сяовэй дернул Ли Хана за рукав и тихо проговорил.

Вчетвером они вышли из аэропорта. Ли Хан нажал кнопку на ключе, открывая Ауди.

Чжан Чжи и Жэнь Цзянь вытаращили глаза, переглянувшись в недоумении — они, похоже, не могли в это поверить.

Ли Хан распахнул дверцу машины, приглашая их внутрь.

Чжан Чжи нежно взял Чжан Сяовэя под руку, и они вместе сели на заднее сиденье.

Жэнь Цзянь взглянул на них и занял место рядом с водителем.

Когда они тронулись, в салоне воцарилось молчание, атмосфера стала странной и напряженной.

— Ого, обаяние братца Вэя просто не знает границ. Всего два месяца в Чанша, а уже нашел богатого покровителя и катается на Ауди, — подколот Жэнь Цзянь с переднего сиденья.

В такой обстановке эта шутка прозвучала как явная провокация.

Услышав это, все трое изменились в лице.

— Смотрите, что я говорю... Правильнее будет сказать, завел такого хорошего друга, — спохватился Жэнь Цзянь.

Чжан Чжи нахмурился и посмотрел на Чжан Сяовэя. Тот был в полной растерянности и не знал, что ответить.

— Сегодня как раз был свободен, вот и приехал с Сяовэем встретить вас. Он тут недавно, город еще толком не знает, — вмешался Ли Хан.

— Куда мы едем? — Чжан Сяовэй совсем потерял нить разговора.

— Домой. У меня там полно еды, негоже добру пропадать, — ответил Ли Хан.

— Домой? — в один голос переспросили Чжан Чжи и Жэнь Цзянь.

Чжан Сяовэй был в отчаянии: он не ожидал, что Ли Хан произнесет такое двусмысленное слово, как «домой». Заметив вопросительный взгляд Чжан Чжи, он почувствовал, как у него идет кругом голова.

— Какой еще дом? Разве ты не в общежитии живешь? — спросил Чжан Чжи.

— Да, в общежитии. Но сегодня вечером братец Хан пригласил меня к себе в гости, а раз уж вы приехали, то мы как раз могли бы пойти все вместе, — поспешно объяснил Чжан Сяовэй, сам не понимая, отчего чувствует себя таким виноватым.

Чжан Чжи подозрительно взглянул на Чжан Сяовэя, а затем на Ли Хана, который вел машину.

Чжан Чжи притянул Чжан Сяовэя к себе и начал щекотать его под мышками, смеясь:

— А ну-ка, проверю, набрал ли ты веса.

Чжан Сяовэй не ожидал такого подвоха; застигнутый врасплох, он оказался прижат к Чжан Чжи, а его лицо уткнулось тому прямо в пах. Он покраснел и попытался вырваться, но крепкие

плечи Чжан Чжи не давали ему пошевелиться.

Чжан Сяовэй почувствовал знакомый запах стирального порошка, смешанный с ароматом мужского тела. Его лицо залилось краской, а мысли спутались.

Он поспешно оттолкнул Чжан Чжи, сердито взглянул на него, а затем бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Он увидел красивое лицо Ли Хана — оно стало мертвенно-бледным.

Жэнь Цзянь же с любопытством наблюдал за Ли Ханом.

Подняв глаза, Чжан Сяовэй встретился с торжествующим взглядом Чжан Чжи. Казалось, надвигается буря.

Действительно, он отчетливо почувствовал, как машина ускорилась, а резкий занос впечатал ошеломленного Чжан Чжи в дверцу.

Однако при этом Чжан Чжи плечом прикрыл Чжан Сяовэя, боясь, что тот пострадает.

— Братец Хан! — с укором воскликнул Чжан Сяовэй.

— Забудь. Пойдем лучше куда-нибудь поедим, я хочу посмотреть твой университет, — Чжан Чжи был явно недоволен.

— Хорошо, я отвезу вас в университет, погуляете, а мы вернемся за вами после обеда, — сказал Ли Хан, закуривая сигарету.

— Я с Сяовэем разговариваю, тебя это не касается, — вспыльчивый Чжан Чжи с самого начала невзлюбил Ли Хана.

Ли Хан холодно хмыкнул.

— Чжан Чжи, ты перегибаешь палку! Братец Хан с добрыми намерениями приехал вас встретить, как ты можешь так себя вести? — не выдержал Чжан Сяовэй.

— Это всё твоё обаяние. К тому же, я его об этом не просил, — отрезал Чжан Чжи.

— Братец Хан, поехали обратно в университет, — вздохнул Чжан Сяовэй.

Он не ожидал, что они с самого начала начнут грызться, а тут еще и Жэнь Цзянь, опасный как ядовитая змея, выжидал удобного случая. Чжан Сяовэй был напуган. Прошло всего десять минут после встречи, а он уже чувствовал себя совершенно разбитым.

— Братец Хан, а как вы с братцем Вэем познакомились? — Жэнь Цзянь, боясь, что конфликт затихнет, подлил масла в огонь.

Ли Хан хотел что-то сказать, но Чжан Сяовэй несколько раз кашлянул.

Ли Хан выпустил колечко дыма и промолчал.

— На дне рождения соседа по комнате, — Чжан Сяовэй не хотел общаться с Жэнь Цзянем, поэтому постарался отделаться сухим ответом.

Жэнь Цзянь, разумеется, почувствовал неприязнь и лишь ехидно усмехнулся.

В машине воцарилась тишина. Чжан Чжи крепко обнимал Чжан Сяовэя за плечи, то и дело внимательно оглядывая его.

У общежития Чжан Чжи вышел из машины, потянулся и сказал Ли Хану:

— Спасибо тебе, брат. Извини за вспыльчивость, мы, люди из Шаньдуна, прямолинейны, не умеем держать всё в себе. И спасибо, что заботился о Сяовэе.

Ли Хан едва заметно улыбнулся, не отвечая. Он приобнял Чжан Сяовэя за плечи, отвел его в сторону и прошептал:

— Я забронирую им номер, погуляй с ними пока.

Чжан Сяовэй кивнул:

— Хорошо, будь осторожен на дороге, созвонимся.

Ли Хан, глядя на смущенного Чжан Сяовэя, не удержался и подался вперед, желая поцеловать его, но тот инстинктивно отстранился. Тогда Чжан Сяовэй обнял его и тихо произнес:

— Тут люди смотрят. — А затем добавил уже громче: — Спасибо тебе, братец Хан!

Ли Хан всё понял: эти слова предназначались для ушей Чжан Чжи.

Он улыбнулся, махнул рукой Чжан Чжи и сел в машину.

Чжан Чжи остался равнодушен, а Жэнь Цзянь вежливо помахал вслед.

— В чем дело? Кто это такой? — Чжан Чжи сделал два шага вперед, допрашивая Чжан Сяовэя, который смотрел вслед уезжающему Ли Хану.

Чжан Сяовэй отвел взгляд, посмотрел на Чжан Чжи и парировал:

— Это я должен у тебя спросить. Братец Хан приехал вас встретить, чем он тебе не угодил?

— Ты посмотри на свое отношение! Мы проделали такой путь, чтобы увидеть тебя, а ты даже не спросил, не устали ли мы, ходишь с недовольной миной. Кому ты это показываешь? Ладно, мне еще можешь хамить, я всё стерплю. Но Цзянь-Цзянь тебя вообще не трогал, почему ты ведешь себя так холодно? Чем он тебе обязан?! — в гневе спросил Чжан Чжи.

— Чем он мне обязан? Да ты хоть знаешь?! — взорвался Чжан Сяовэй, услышав имя Жэнь Цзяня, и отвернулся.

— Ладно, ладно, всё это мелочи, чего ты так злишься? Мы же друзья. Пойдем, я проголодался, найдем где-нибудь поесть, — Жэнь Цзянь потянул Чжан Чжи за рукав.

— Наши с ним дела — не твое дело, — Чжан Сяовэй ненавидел Жэнь Цзяня всей душой.

— Братец Вэй, чем я тебя так обидел? — с невинным видом спросил Жэнь Цзянь.

— Чжан! Сяо! Вэй! Ты переходишь все границы! — взревел Чжан Чжи.

Однако, увидев изможденное лицо Чжан Сяовэй, он смягчился и добавил уже мягче:

— Ты изменился. Ты уже не тот Чжан Сяовэй, которого я знал.

— Ты тоже изменился. Раньше ты никогда не кричал на меня. Не думал, что из-за него ты на меня сорвешься, — Чжан Сяовэй с укоризной посмотрел на Жэнь Цзянь, а затем на пышущего гневом Чжан Чжи.

— Ладно, ладно, я виноват, не стоило кричать. Такого больше не повторится, — Чжан Чжи подошел к нему, поднял правую руку и со смехом сказал: — Клянусь, больше никогда не буду кричать на Чжан Сяовэй.

Чжан Сяовэй рассмеялся и бросил на него взгляд:

— Хватит уже, ведешь себя как ребенок, не боишься, что другие засмеют?

На слове «другие» он сделал особый акцент, чтобы Жэнь Цзянь всё расслышал.

— Каждый раз, когда я совершаю ошибку, я даю тебе обещание. Эту добрую традицию нужно хранить. Даже когда мы состаримся, если я ошибусь, я снова дам тебе слово, что это в последний раз, — торжественно заявил Чжан Чжи.

Раздражение Чжан Сяовэй немного утихло, но они оба не заметили, как Жэнь Цзянь становится всё холоднее.

— Идем, поедим.

Чжан Сяовэй поймал такси и отвез их в ресторан.

Во время еды он увидел сообщение от Ли Хана: номер в отеле забронирован, двухместный.

Чжан Сяовэй усмехнулся: «Только что говорил, что он великодушный, а сейчас показал истинное лицо».

Он быстро набрал в ответ: «Спасибо, красавчик, с меня вознаграждение».

«Нужна помощь завтра? Готов стать личным водителем», — пришел ответ.

«Не надо, запах пороха и так за версту чувствуется, не хватало еще, чтобы меня тут разнесло в щепки», — ответил он.

Пока Чжан Сяовэй печатал сообщение, выражение его лица менялось — от радости до легкого раздражения.

Всё это не ускользнуло от взгляда Чжан Чжи.

Тот отложил палочки и улыбнулся:

— Братец Вэй, так много дел?

— Да вот, забронировал вам номер, — Чжан Сяовэй взглянул на Чжан Чжи, отложил телефон и увидел, что его тарелка полна рыбы, которую положил ему Чжан Чжи.

Он взял кусок и переложил в тарелку Чжан Чжи, тихо проговорив:

— Ты редко ешь настоящую хунаньскую кухню, ешь побольше, а я-то могу есть это постоянно.

— Нет, я буду рад больше, если ты поправишься, чем если бы съел плод бессмертия, — Чжан Чжи положил ему кусок говядины.

Затем он небрежно положил еще один кусок говядины в тарелку молчаливого Жэнь Цзяня.

Тот едва заметно улыбнулся, встал и сказал:

— Я наелся, пойду прогуляюсь, вы не торопитесь.

С тех пор как они сели за стол, Чжан Сяовэй и Жэнь Цзянь не обменялись ни словом, и Чжан Чжи разрывался между ними. Теперь, когда Жэнь Цзянь ушел, он почувствовал облегчение.

— Что между вами случилось? Помню, в старшей школе вы были не разлей вода, — недоуменно спросил Чжан Чжи.

— Ничего, — Чжан Сяовэй совсем не хотелось говорить о Жэнь Цзяне.

— Какие планы на вечер? — видя, что Чжан Сяовэй не в духе, Чжан Чжи решил сменить тему.

— Забронировал двухместный номер, будете спать в одной комнате, а я пойду в общежитие. Завтра утром приду, — отрезал Чжан Сяовэй.

— Сяовэй, ты правда изменился. Ты совсем не хочешь проводить со мной время. Помнишь, в школе, когда мы возвращались домой, ты всегда просил спать со мной в одной постели и мы болтали до глубокой ночи? — вздохнул Чжан Чжи.

— Мы повзрослели. Мы больше не играем в домики, люди меняются, — Чжан Сяовэй опустил глаза, не в силах выдержать его горящий взгляд.

— Меняются? Не верю, — Чжан Чжи наклонился к нему и тихо произнес: — Мы с детства спали в одной кровати, как мы можем измениться?

— А что, если ты женишься, обнимешь жену в кровати, я должен буду лечь с вами? Что за ребячество, — раздраженно бросил Чжан Сяовэй.

Эта внезапная вспышка застала Чжан Чжи врасплох.

— Что с тобой? Ты ведешь себя совсем не так, как раньше, — удивленно спросил он.

— Может, ты никогда меня по-настоящему не знал? Того, чего я хочу, ты мне не дашь, — тихо ответил Чжан Сяовэй.

Услышав этот печальный тон, Чжан Чжи похолодел. Он вдруг понял, что сидящий перед ним мужчина стал ему чужим.

На душе у Чжан Сяовэя тоже было беспокойно. Раньше Чжан Чжи был для него как большое дерево, дающее тень и защиту.

Он когда-то думал, что в его сердце есть место только для Чжан Чжи. Но теперь... Ли Хан пустил корни в его сердце, и они разрослись до самого неба.

Одно сердце и два дерева.

Срубишь любое — и будет литься кровь.

От этой мысли Чжан Сяовэй пришел в отчаяние.

«Раз два дерева не могут существовать вместе, пусть тогда Ли Хан расцветает в моем сердце. Прости меня, братец Чжи», — мысленно прошептал он.

Поэтому он давно решил, что отношения с Чжан Чжи должны остаться чисто дружескими, никаких близких моментов больше не будет.

— Ты, должно быть, влюбился, да? Неудивительно, что последнюю неделю ты был таким холодным, когда я звонил, — спросил Чжан Чжи.

— Да, я влюбился. Нельзя? — парировал Чжан Сяовэй.

Чжан Чжи онемел, не зная, что сказать.

— Я, конечно, рад... А почему ты не привел её, чтобы я посмотрел? — через силу усмехнулся он.

— Идемте, отведу вас в отель, — холодно сказал Чжан Сяовэй и вышел из-за стола.

Чжан Чжи посмотрел ему вслед с огорченным видом.

Впрочем, он тут же подхватил рюкзак, догнал Чжан Сяовэя и у входа позвал кутившего Жэнь Цзяня.

Тот затушил окурок ногой и взглянул на понурого Чжан Чжи, его лицо выражало странное, переменчивое настроение.

В отеле Чжан Чжи предъявил документы, оформил заселение, и Чжан Сяовэй проводил их в номер. Ли Хан всё сделал как надо — комната была просторной и светлой.

Чжан Сяовэй окинул её взглядом и бесстрастно произнес:

— Сегодня переночуете здесь. Прошу прощения за неудобства. Завтра утром зайду, погуляем.

Сказав это, он собрался уходить.

Они оба почувствовали отчужденность в его словах.

Чжан Чжи остановил его:

— Подожди минутку.

Он достал рюкзак.

— Это мама передала тебе вяленого мяса креветок, она говорит, ты его больше всего любишь. Это сушеные креветки, твоя мама просила передать — угостишь соседей по комнате. Это вяленый кальмар, я купил, помнишь, когда я приезжал в старшую школу, ты всегда просил его, говорил, что никогда не надоест. Еще сушеная рыбка, сушеные креветки. И вот, пакет оладий с

морепродуктами — мама днем жарила, должны быть свежими. Они боялись, что ты не привык к местной еде, вот и передали домашние гостинцы... Впрочем, по-моему, ты живешь неплохо, так что они зря беспокоились.

Голос Чжан Чжи звучал ровно, но в нем слышалась скрытая печаль.

Чжан Сяовэй не мог больше это слушать и быстрым шагом вышел из отеля.

В этот момент он ненавидел себя.

Настоящий герой, но с такой тонкой и ранимой душой. Человек, который внешне кажется безразличным ко всему, внутри — нерешительный и запутавшийся.

Идя по улице, он видел перед глазами их с Чжан Чжи общие воспоминания:

Водохранилище, где он вынес его на руках на берег.

Дождливый день, когда он снял с себя одежду, чтобы укрыть его от ветра и дождя.

Поход в горы, когда он уставал, и он позволял ему забраться себе на спину.

И то, как он провожал его в университет — грусть, тоска, недосказанность.

Их прошлое крутилось в голове, как кадры из фильма.

Чжан Сяовэй споткнулся, схватился за дерево у дороги, и слезы, которые он так долго сдерживал, покатились из глаз.

Начал накрапывать мелкий дождь — он питал землю и смачивал лицо человека, убитого горем.

Чжан Сяовэй понимал, что его жестокость — не из-за Ли Хана. Причина была в том, что у них с Чжан Чжи нет будущего.

Даже если забыть о том, примут ли их отношения семьи в деревне.

Он ясно осознавал: если слухи об их связи распространятся, удар будет смертельным. Не только для них, но и для родителей, на которых будут показывать пальцем.

Он мог представить, как деревенские сплетницы, завидев их, будут шептаться за спиной.

Они могли бы прятаться в тени какое-то время, но нельзя прожить всю жизнь, скрываясь.

Поэтому рано или поздно он должен был отвести Чжан Чжи место только друга.

Раз уж этому суждено случиться, лучше, если это произойдет сейчас.

Или, может быть, он ответил согласием Ли Хану именно для того, чтобы заставить себя стать жестким, отрезать пути назад и перестать принимать доброту Чжан Чжи.

С этой мыслью он выпрямился, оглянулся на отель и прошептал:

— Братец Чжи, мне остается только предать тебя.

Голова раскалывалась, он, пошатываясь, вернулся к общежитию.

Мысли были в полном беспорядке, он даже не заметил, что машина Ли Хана стоит неподалеку.

Ли Хан, увидев в зеркало заднего вида Чжан Сяовэй, поспешно вышел из машины и подошел к нему.

Чжан Сяовэй удивленно спросил:

— Ты почему здесь?

— Переживал за тебя. Заехал в общежитие, сказали, тебя нет, вот и решил подождать в машине. У тебя такой вид тяжелый, что случилось? — Ли Хан приобнял его за плечи и тихо спросил.

— Всё нормально. Езжай домой, — Чжан Сяовэй выдавил из себя улыбку.

— Я еще не ел, а ты обещал приготовить мне ужин, — Ли Хан слегка потряс его за плечи, улыбаясь.

— Давай в другой раз, братец Хан. Спасибо за сегодня, — он вежливо отказался.

— Хорошо, ты сегодня устал, отдохни.

Ли Хан помахал ему на прощание.

Чжан Сяовэй еще не успел дойти до своей комнаты, как услышал, что внутри парни во всю глотку орут песни.

Он горько усмехнулся: с таким лицом только и идти портить людям веселье.

Он развернулся, пошел к университетскому магазину, купил несколько банок пива и направился к озеру.

Ступени были мокрыми от дождя, но он, не обращая внимания, сел прямо на них.

Возможно, из-за дождя у озера, обычно шумного, было тихо.

Слышался лишь монотонный стук капель — по листьям, по глади озера, по его израненной душе.

Чжан Сяовэй поднял голову к небу. Осенний дождь, подобно туману, мелкой сеткой оседал на его лбу, глазах и губах.

Он насмешливо улыбнулся и громко произнёс:

— Старое Небо, лишь ты понимаешь мои мысли, ведь знаешь, как сильно я люблю дождливые дни. Я даже не успел попрощаться, а ты уже явилось, чтобы устроить мне целое торжество. Раз так, подниму-ка я за тебя чарку, сегодня мы не разойдемся, пока не напьемся.

Ответом Чжан Сяовэю был лишь стон осеннего ветра.

Чжан Сяовэй открыл банку пива, поднял её вверх и крикнул:

— Ну, давай, за нас!

Одним духом он осушил банку, смял её в комок и с силой зашвырнул в озеро.

— А-а-а-а-а! — кричал Чжан Сяовэй, обращаясь к озерной глади, к пелене дождя и к самому Небу. Он сжал кулаки так, словно хотел выплеснуть всю свою обиду, злость, ненависть, смятение, досаду и тоску.

В то время как Чжан Сяовэй терзался депрессией и сомнениями, Чжан Чжи тоже пришлось несладко.

После того как Чжан Сяовэй ушёл, не проронив ни слова, он так и застыл, глядя на свой рюкзак.

Жэнь Цзянь слегка подтолкнул его и спросил:

— Эй, ну ты же видел? Это и есть тот самый Чжан Сяовэй, о котором ты мне все уши прожужжал. Он изменился, он даже знать меня не хочет.

— Не смей говорить о нём плохо! — Чжан Чжи обернулся и рывкнул на Жэнь Цзяня с таким видом, будто готов был его растерзать.

— Кричи не кричи, а толку нет. Очевидно, что он больше не тот Чжан Сяовэй. Пойдем, я угощу тебя выпивкой. — Жэнь Цзянь не испугался вспышки Чжан Чжи. Он присел на кровать и похлопал того по плечу.

Они оказались в закусочной уличного гриля.

Жэнь Цзянь заказал еды, но у Чжан Чжи совершенно пропал аппетит.

— Посмотри на себя, на кого ты похож? Может, он сейчас веселится в доме у какого-нибудь богача, — со злорадством бросил Жэнь Цзянь.

— Он не такой человек, закрой рот! — Чжан Чжи холодно взглянул на него.

Вскоре глаза Чжан Чжи наполнились слезами, и он пробормотал себе под нос:

— Он не может быть таким бессердечным.

После этого он замолчал. Поначалу он ещё чокался с Жэнь Цзянем, но вскоре перестал обращать на него внимание и начал пить в одиночку. Выпив несколько бутылок водки, он почувствовал, что этого мало, и велел хозяину принести ещё. Жэнь Цзянь не останавливал его, лишь наблюдал, как тот опрокидывает стакан за стаканом.

Хозяин забегаловки, видя, как Чжан Чжи пьет без остановки, подошел и с добрым намерением сказал:

— Так и здоровье посадить можно, лучше остановитесь.

Жэнь Цзянь махнул рукой:

— Не ваше дело, просто настроение паршивое.

Хозяин бросил на них взгляд и, ничего больше не сказав, вернулся к делам.

Жэнь Цзянь тихо проговорил:

— Пойдем назад, ты напился.

— Сяовэй меня бросил, а ты вообще кто такой? — Чжан Чжи уже с трудом открывал глаза, но всё равно вливал в себя остатки алкоголя.

В глазах Жэнь Цзяня промелькнул холодный огонек, но, глядя на покрасневшее красивое лицо Чжан Чжи, он вновь улыбнулся, облизнул губы и медленно помог ему встать.

— Идем спать, послушный, Сяовэй ждет тебя дома.

— Только попробуй обмануть меня, — пробормотал Чжан Чжи. Он поднялся, привалился к Жэнь Цзяню и поплелся в сторону отеля.

Голова Чжан Чжи уткнулась в шею Жэнь Цзяня. Теплое дыхание обжигало кожу, и Жэнь Цзянь почувствовал, как внутри у него всё закипает. Он бросил взгляд на Чжан Чжи, продолжавшего бормотать имя Сяовэя, и, сдерживая порыв, дотащил его до номера.

Жэнь Цзянь бросил пьяного в стельку Чжан Чжи на кровать. Тот перевернулся и прошептал:

— Сяовэй, Сяовэй, не уходи.

Жэнь Цзянь закатил глаза и фыркнул:

— Не пойму, что в этом гаде такого, что ты никак не можешь его забыть.

Лежащему на кровати Чжан Чжи, видимо, стало жарко — он расстегнул ремень и задрал футболку, обнажив крепкий пресс перед глазами Жэнь Цзяня. Даже несмотря на то, что Жэнь Цзянь уже видел его тело, сердце забилося чаще. Тонкие черные волосы дорожкой тянулись от пупка к скрытому под одеждой белью. Джинсы сползли, обнажая бело-синие трусы с рисунком Дораэмона. Рот Дораэмона оказался сильно натянут, выпирая бугром в виде палатки.

Лицо Жэнь Цзяня залилось краской. Подавляя грязные мысли, он разделся и вошел в ванную. Включив кран, он посмотрел в зеркало на свои четкие скулы и крепкое тело, оставаясь вполне довольным собой. Вспомнились школьные годы, когда он и Чжан Сяовэй были не разлей вода и их называли Двойными звездами второй школы. Но у Чжан Сяовэя было куда больше поклонников, и даже в школу его сопровождали такие красавцы, как Чжан Чжи. Жэнь Цзянь не мог с этим смириться.

Он рано повзрослел и ещё в средней школе начал водиться с сомнительными компаниями, перенимая все дурные привычки уличных хулиганов. Он давно знал, что бисексуален, поэтому имел опыт как с женщинами, так и с мужчинами. Конечно, Чжан Сяовэй был лучшим из тех, с кем он когда-либо был. Он сблизился с ним, став близким другом, отчасти из зависти, отчасти потому, что давно жаждал обладать им.

При мысли о крепком теле Чжан Сяовэя и о его столах, пробирающих до самых костей, Жэнь

Цзяня бросило в жар.

Затем он вспомнил ослепительную улыбку Ли Хана, и тело его задрожало.

— Почему? Почему он может заставить Чжан Чжи так хорошо к себе относиться? Почему он может рассчитывать на расположение Ли Хана, а у него самого нет такого мужчины, который любил бы его? Я тоже хочу! У чего бы ни был Чжан Сяовэй, я тоже должен это иметь! — в ярости прорычал он своему отражению, и его красивое лицо исказилось.

Жэнь Цзянь горел, в его сердце пылал огонь зависти, он криво усмехнулся. Взяв душ, он подставил тело под теплую воду. Но сейчас он был как на иголках, у него не было терпения мыться. Кое-как ополоснувшись, он обернулся полотенцем и выбежал из ванной.

Чжан Чжи лежал в ещё более соблазнительной позе: джинсы сползли до середины, обнажая крепкие бедра с плотной бронзовой кожей, отчего от него исходило притягательное ощущение мужской силы. Жэнь Цзянь больше не мог сопротивляться этому мощному телу. Сжав ноги, он навалился на Чжан Чжи.

— Братец Чжи, давай раздену тебя, чтобы спать было удобнее, а? — прошептал он ему на ухо.

Он осторожно потормошил Чжан Чжи, но тот был мертвецки пьян и не реагировал.

Жэнь Цзянь выровнял дыхание, опустился на колени у кровати и медленно снял с него ботинки. Вдохнув запах пота, он словно обезумел и рывком сорвал с Чжан Чжи штаны. Он приподнялся, достал из сумки маленький флакон с надписью «rush». Зажав Чжан Чжи рот, он поднес флакон к его носу и брызнул несколько раз. Глядя на красивое лицо Чжан Чжи, Жэнь Цзянь торжествующе произнес:

— Этот олух Чжан Сяовэй не умеет ценить такое сокровище, а оно досталось мне даром. Я должен буду как следует его отблагодарить.

Видя, что Чжан Чжи впал в забытие, Жэнь Цзянь задрал свой белый зад и медленно опустился на него. Чжан Чжи, словно под влиянием паров «rush», начал двигаться в такт Жэнь Цзяню, отвечая на его толчки. Это привело Жэнь Цзяня в ещё больший экстаз. Он тихо стонал, и под аккомпанемент дождя за окном разворачивалась весенняя ночь страсти.

В то время как Жэнь Цзянь предавался утехам с Чжан Чжи, у ног Чжан Сяовэя на берегу озера валялись пустые банки из-под пива. Одежда Чжан Сяовэя насквозь промокла, капли дождя стекали по волосам, смешиваясь со слезами. В воде изредка проплывали карпы. Глядя на то, как вольготно они себя чувствуют, Чжан Сяовэй припал к берегу и тихо сказал:

— Говорят, ваша память длится всего семь секунд, всё забывается в мгновение ока, вот почему вы такие свободные. Рыбки, рыбки, скажите мне, как забыть прошлое? Хотите, я угощу вас выпивкой?

Чжан Сяовэй открыл банку и вылил её в озеро. Но рыбы не оценили жест: махнув хвостами и подняв брызги, они уплыли прочь.

Пока Чжан Сяовэй предавался жалости к себе, зазвонил его телефон. Увидев, что звонит Фей, он инстинктивно хотел сбросить. Но в голове всплыл тот вечер и яростный взгляд Линь Юй, когда та не могла его найти, поэтому он с неохотой ответил.

— Алло, ты опять куда-то свалил? Только что звонил Ли Хан, звал Ван Гоюя выпить, я спросила, что у вас случилось, а он молчит. Я звонила Гогаю, они говорят, что не видели тебя, думали, ты с братцем Ханом. Где ты? Я приеду. — Линь Юй тараторила так быстро, что Чжан Сяовэй не успевал вставить слово.

— Я в порядке, не волнуйся, — стараясь говорить спокойно, ответил он.

— Не носи чушь, быстро говори, где ты! — почти кричала Линь Юй.

— Я у школьного озера, люблюсь дождем, — тихо ответил Чжан Сяовэй.

— Любуешься, твою мать, дождем! В прошлый раз ты уже налюбовался до простуды, опять забыл? Быстро найди место, где можно укрыться, я еду к тебе, никуда не уходи! — Линь Юй сердито сбросила вызов.

Неизвестно, сколько прошло времени, но Чжан Сяовэй почувствовал, что дождь утих. Обернувшись, он увидел Ли Хана, который держал над ним зонт. Ван Гоюй стоял чуть поодаль, придерживая Линь Юй, и обеспокоенно смотрел на него.

— Как ты можешь наслаждаться таким пейзажем в одиночку? — Ли Хан присел на корточки, снял свою легкую куртку и накинул на дрожащего от холода Чжан Сяовэя.

Чжан Сяовэй выдавил из себя улыбку.

Линь Юй подбежала, оттолкнула Ли Хана и закричала на Чжан Сяовэя:

— Быстро вставай! Какую еще дурь ты выдумал? Опять простудиться хочешь?

Ли Хан подхватил Чжан Сяовэя на руки и посадил в машину. Чжан Сяовэй лишь отрешенно смотрел на него, не сопротивляясь. Линь Юй и Гоюй сразу же сели следом.

— Куда едем? Сегодня ты решаешь, — спросил Ли Хан, обернувшись к нему.

— Куда угодно, — вяло бросил Чжан Сяовэй.

— В КФС! Высадите нас там, а дальше не ваше дело. Мне нужно поговорить с этим чудиком, — Линь Юй обняла дрожащего Чжан Сяовэя и сердито добавила.

Ли Хан вопросительно посмотрел на Чжан Сяовэя, но тот смотрел в окно. Ли Хан вздохнул и повел машину к ближайшему КФС.

— Сяовэй на тебя, — серьезно сказал Ли Хан, похлопав Линь Юй по плечу. Он бросил последний взгляд на растерянного Чжан Сяовэя, стиснул зубы и ушел.

— Ну что, так и будешь стоять? Не хочешь уходить, потому что жаль расставаться, или мне тебя на руках занести? — Линь Юй сверкнула глазами и, не торопясь, двинулась вперед.

Чжан Сяовэй слабо улыбнулся и последовал за ней. Вид мокрого как курица красавца быстро привлек внимание окружающих.

— Так, ты пока не садись. Братец Хан передал тебе одежду, иди в туалет переоденься, а то простудишься.

Чжан Сяовэй взял пакет, переоделся в сухое и, вернувшись, увидел на столе гору картошки фри.

— Говори, что на тебя опять нашло? — голос Линь Юй был резким и прямолинейным.

— Ничего, просто хотел выйти, посмотреть на дождь, — тихо ответил Чжан Сяовэй.

Линь Юй посмотрела на него, изящно взяла картофелину, отправила в рот и вытерла губы салфеткой:

— Слышала, твой братец Чжи приехал?

— Угу, — Чжан Сяовэй опустил голову и отпил кофе.

— Ты, черт возьми, гей или нет? — Линь Юй была явно раздражена, её голос невольно стал громче.

Слово гей заставило окружающих обернуться.

Чжан Сяовэй покраснел, взглянул на пронзительный взгляд Линь Юй и тихо пробормотал:

— Наверное, да. У меня никогда не было подобных чувств к девушкам.

— Хорошо. Тогда кого из них ты любишь больше: Чжан Чжи или Ли Хана? — Линь Юй словно видела его насквозь.

Чжан Сяовэй покачал головой:

— Не знаю, оба они очень хорошие.

Чжан Сяовэй был человеком, который никому не доверял, но сейчас почему-то проникся к Линь Юй странным доверием.

— Ладно. А какие у тебя планы на будущее? Собираешься прожить жизнь с женщиной или с мужчиной?

— Испортить жизнь женщине? Я не настолько подлец, чтобы делать такие вещи, — покачал головой Чжан Сяовэй.

— А если не женишься, родители согласятся? — продолжала давить Линь Юй.

— Конечно нет. Я из деревни, а в Шаньдуне люди консервативные. Надеюсь, если в будущем поправлю финансовое положение, смогу забрать их оттуда, может, что-то и изменится, — после недолгих колебаний поделился планами Чжан Сяовэй.

— Хм, понятно, ты думаешь о себе. Давай я разберу всё по полочкам, — кашлянула Линь Юй. — Раз уж ты заговорил о финансах, давай о реальности. Доход Чжан Чжи позволит вам двоим

жить в городе? Его семья согласится, чтобы он не женился и жил с тобой?

— Это невозможно, — уверенно ответил Чжан Сяовэй.

— Я так и думала. А братец Хан? Он говорил с тобой о своей семье?

Чжан Сяовэй покачал головой:

— Не знаю, мне не интересно.

— Его мама работает врачом в Гонконге, отец владеет сетью автосалонов в Гуанчжоу. Он и сам зарабатывает немало, так что финансовый вопрос вообще не стоит. Кроме того, насколько я знаю, его семья очень прогрессивна, он уже совершил каминг-аут. Если ты будешь с ним, то сможешь войти в их семью открыто, никаких препятствий. И ещё: в следующем году в их больнице будет программа обмена во Франции, это мечта всех молодых врачей. Кажется, можно подать на французскую грин-карту. У матери Хана есть связи, так что его поездка во Францию — вопрос решенный, а значит, и эмиграция вполне возможна. Во Франции вы сможете открыто пожениться. Я понятно объясняю? Если вы с Ханом дойдете до этого, будущее будет светлым.

Линь Юй, заранее всё продумавшая, выпалила это на одном дыхании, почувствовав облегчение. Увидев отрешенного Чжан Сяовэя, она не удержалась и щелкнула его по лбу:

— Ты что, пень? Я столько сказала, хоть какая-то реакция должна быть!

— Я не думал так далеко. Братец Хан очень добр ко мне, я уже пообещал стать его парнем. Естественно, я буду стараться ради нашего будущего, но я всё равно не могу отпустить братца Чжи, — с мукой в голосе сказал Чжан Сяовэй.

— Да я просто поражаюсь тебе! Неужели так трудно кому-то отказать? Сказал бы прямо, что не подходите друг другу, и всё, — легко бросила Линь Юй.

— Мы никогда не признавались друг другу в чувствах, я даже сомневался, любовь ли это. А сегодня я увидел его печальный взгляд и не знаю, что делать.

— Он что, не собирается уезжать? — вдруг спросила Линь Юй.

— Нет, он, скорее всего, приехал развеяться, побудет пару дней и уедет, — неуверенно сказал Чжан Сяовэй.

— Вот и отлично. Как только вы расстанетесь, чувства притупятся, поверь времени. Ну что, всё ещё хочешь под дождем мокнуть? — Линь Юй наклонила голову, глядя на него.

— Скажи, почему жизнь такая тяжелая? Посмотри на карпов в озере: свободные, счастливые. Если будет следующая жизнь, я очень хочу стать карпом, — тихо сказал Чжан Сяовэй.

— Ага, а потом тебя пожарят в соевом соусе, и вся радость закончится, — фыркнула Линь Юй.

Чжан Сяовэй усмехнулся, но тут же на его лице вновь появилась тень печали:

— Как мне завтра вести себя с братцем Чжи? Я правда не хочу, чтобы он грустил.

— Может, одолжишь свою старшую сокурсницу Вэньцзин? Скажи, что она твоя девушка, тогда он точно отступит. Или, может, он сам найдет себе девушку, — Линь Юй пришла в восторг от собственной идеи.

— У него была девушка, но даже с ней он относился ко мне лучше, чем к ней, — Чжан Сяовэй снова погрузился в воспоминания.

— Твою мать, бисексуал? Терпеть не могу бисексуалов. Пусть лучше ищет себе девушку, не надо рушить людям жизнь. Путь гомосексуала и так непрост, верно? — прощупывала почву Линь Юй.

— Я еще подумаю. Братец Хан не ошибся, попросив тебя стать переговорщиком. У тебя такой острый язык, что и мертвого заговоришь, — Чжан Сяовэй посмотрел на Линь Юй и покачал головой.

— Ну, ну, что ты, мы же друзья, конечно, я должна о тебе позаботиться.

Линь Юй, видимо, испугавшись, что Чжан Сяовэй раскрыл её тайные мысли, торопливо опустила голову и сделала большой глоток колы, чтобы скрыть растерянность.

Видя, как суетится Линь Юй, Чжан Сяовэй усмехнулся:

— Спасибо за сегодняшний вечер. Я устал, пойдем домой.

<http://bllate.org/book/21931/2278628>